

Ксения
ДРАГУНСКАЯ

АНГЕЛЫ И ПИОНЕРЫ

рисовал Катяныч

Ксения Драгунская

Ангелы и пионеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081481

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-9691-1712-9

Аннотация

Рассказы Ксении Драгунской – это всегда честные истории, касающиеся болевых точек нашего времени. Автор просто и даже весело говорит об очень сложном и горьком. Взрослеть трудно и больно, жизнь не сахар, но хороших людей больше, чем плохих, и с помощью хороших людей можно преодолеть любые трудности – вот, пожалуй, главное, в чем убеждает своих читателей автор. Первую и вторую части сборника составляют новые, не публиковавшиеся ранее тексты.

Содержание

Информация от издательства	4
Ангелы и пионеры	6
Время	6
Бабушка	16
Мечты партизан	33
Сказка	39
Ангелы и пионеры	45
Платон	57
Куркума	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ксения Драгунская

Ангелы и пионеры

Информация от издательства

Художественное электронное издание

16+

Драгунская, К. В.

Ангелы и пионеры: рассказы / Ксения Викторовна Драгунская. – М.: Время, 2018. – (Время – юность!).

ISBN 978-5-9691-1712-9

Рассказы Ксении Драгунской – это всегда честные истории, касающиеся болевых точек нашего времени. Автор просто и даже весело говорит об очень сложном и горьком. Взрослеть трудно и больно, жизнь не сахар, но хороших людей больше, чем плохих, и с помощью хороших людей можно преодолеть любые трудности – вот, пожалуй, главное, в чем убеждает своих читателей автор.

Первую и вторую части сборника составляют новые, не публиковавшиеся ранее тексты.

© К. В. Драгунская, 2018

© А. В. Капнинский, иллюстрации, 2018

© «Время», 2018

рисовал Капыц

Ангелы и пионеры

Время

Посвящается Ане Сабецкой и ее маме Стасику

Когда в класс вошел Иван Борисович по химии, в сумке у Саши Муриной залаяла собачка. Саша уже несколько дней приносит собачку с собой в школу. На всех уроках собачка вела себя прилично, но учитель химии ей очень не понравился. Может, от него пахло чем-нибудь? Химией? Иван Борисович страшно обиделся, когда узнал, что на других учителей собачка не лаяла. Он даже раскричался. Он вообще ужасно нервный. Ластиками кидается, если что не так. А однажды так разозлился, что все колбы переколотил. После этого я своими ушами слышал, как завуч Ольга Игоревна спросила его: «Таблетки пил?» А он ответил: «Нет, мы с мамой решили попробовать один день без таблеток». А Ольга Игоревна: «Вот пусть мама тебе зарплату и платит».

– Мурина, – сказала Ольга Игоревна, прибежавшая на крики Ивана Борисовича вместе с охранником и медсестрой. – Ты как додумалась собаку в школу притащить?

– К нам в гости приехала родственница из Мордовии, очень толстая и рассеянная. Я боялась, что она может просто сесть на собачку или случайно засосать пылесосом во время

уборки.

Ей бы соврать что-нибудь, мол, ничего не знаю, это мне подкинули собачку, злоумышленники засунули в сумку... А она так серьезно ответила. Саша Мурина очень честная и вообще хорошая. У нее задумчивые, немножко грустные глаза, и цвет у них меняется от погоды и времени суток, как цвет моря.

– Отведи собаку домой и возвращайся, – велела Ольга Игоревна.

«Отведи собаку»! Можно подумать, это целая овчарка

или эрдельтерьер! Собачка у Саши маленькая и довольно противная, я таких не люблю, похожа на какую-то муху на ножках, но все-таки не надо, чтобы ее давила мордовская тетья.

– Я провожу Сашу и прослежу, чтобы она вернулась в школу, – предложил я.

Ольга Игоревна доверчиво кивнула, лично пощупала у Ивана Борисовича пульс и удалилась.

Мы вышли из школы.

– Правильно, что собаку в школу принесла, – сказал я. – Обидно же, если эта мордовская тетья ее случайно задавит. У меня однажды собака под машину попала, знаешь... Лучше не вспоминать.

– Вообще несправедливо – собака может попасть под машину, а машина под собаку – нет, – сказала Саша.

– Или даже если какая-то маленькая машинка угодит под большую собаку, то машинке ничего не будет, – согласился я. – Несправедливо!

– Никакой справедливости нет на свете, – нахмурившись, повторила Саша.

Я даже остановился.

– Если мы оба понимаем, что справедливости на свете нет, значит, детство кончилось. Мы оба взрослые, что ли? – спросил я.

– Наверно, – серьезно сказала Саша.

– Тогда давай поженимся? – предложил я.

Я уже давно понял, что жениться все равно придется, чтобы родители не волновались и не ставили мне в пример какого-нибудь там Вовочку, у которого уже сто детей... А ведь жениться надо на ком-то хорошем, нормальном, кто тебя понимает. И еще неизвестно, повстречается ли мне кто-то путный в будущем. Поэтому надо сразу, уже сейчас зарезервировать Сашу Мурину, как авиабилет.

Саша внимательно посмотрела на меня своими морскими глазами.

– Давай, – серьезно сказала она, – только не сейчас, а то завтра контрольная по английскому.

– Конечно, попозже, когда разбогатею. А пока что я тебя могу с родителями познакомить. Они у меня такие, что с ним лучше постепенно привыкать.

Мы пришли ко мне. Там все было перевернуто вверх дном и разбито вдребезги. Саша даже не стала собачку на пол выпускать, так в руках и держала.

Бабушка, пытаясь как паровоз и высунув язык, пыталась навести порядок.

– Это папа и мама утром собирались на работу и спорили, кто кого больше любит, – объяснила она.

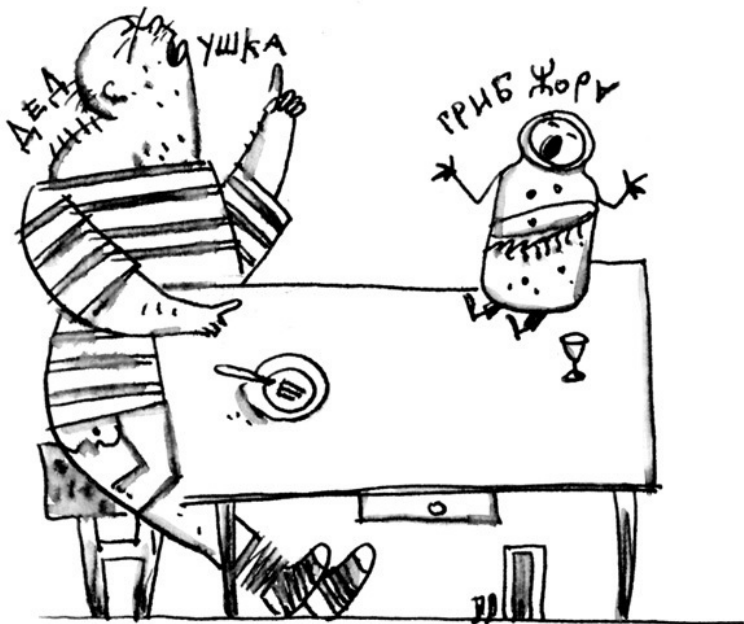
Саша посмотрела на бабушку и сказала:

– Не знала, что у тебя есть сестренка.

– Это моя бабушка. – Мне уже надоело объяснять всем. – Просто она выпила слишком много средств для омоложения и превратилась в восьмилетнюю девочку. Ей омолаживаю-

щие папа на прошлый Новый год подарил. А маме – талончик со скидкой на пластическую операцию.

На кухне дедушка пел песню Геннадию Васильевичу. Геннадий Васильевич – это чайный гриб редкой китайской породы. Он любит серьезную музыку или старинные песни, которые дедушка называет «комсомольские». «Welcome to the hotel California...» или «Show me the way to the next whiskey bar...» Кратко дедушка зовет свой гриб Жорой. Почему Геннадия – Жорой? Непонятно. Дедушка строгий, с нами почти не разговаривает, всё с Жорой да с Жорой. «Один ты у меня и есть, Жора», – говорит он, а гриб в ответ пускает пузырьки, как будто понимает. Нам дедушка не разрешает называть гриб Жорой. Только по имени-отчеству – Геннадий Васильевич.

– Бабушка, что у нас на обед?

– Сегодня ничего особенного, как обычно – конфеты с ликером на первое, вобла на третье, на четвертое – чебуреки, а вместо второго могу наподдать вам веником.

Мы с Сашей с удовольствием пообедали.

– Здорово! – вздохнула Саша. – Весело вы живете.

– Да, мы такие. А у вас как?

– Ну, у нас ничего интересного. Мы из тех, у кого на Новый год салат с зеленым горошком. Мои родители мечтают о

втором ребенке. Но сначала надо как-то обзавестись квартирой побольше. Так что пока они сидят вот так вот и мечтают, мечтают... А еще у них все время нет времени.

– Времени ни у кого нет.

Чтобы не грустить, мы пошли гулять. На пешеходке сидела гадалка, люди отходили от нее, удивленно и радостно глядя на свои ладони. Я увидел, что это Варвара Вильямовна, наша учительница по английскому.

– Узнаёшь? – спросил я Сашу.

– Но ведь она умерла еще в пятом классе, – удивилась Саша. – Мы деньги на цветы собирали.

– Ты только ей не говори, это невежливо.

– Twinkle, twinkle, little star, Варвара Вильямовна, – рявкнули мы с Сашей.

– Тише, а то все догадаются, что я никакая не гадалка, – прошептала Варвара Вильямовна. – Просто хочется сказать людям что-нибудь хорошее. Что все будет хорошо...

– Приходите на юбилей школы двадцать восьмого января.

– Не могу, ведь школа находится в Центральном округе, а туда запрещен вход тем, кто не в «Армани».

– Мы вам купим «Армани», – пообещал я.

– Варвара Вильямовна, а у вас время есть? – спросила Саша.

– Конечно, сколько угодно.

– Можете дать немножко, а то у моих родителей нету?

Я всегда знал, что девчонки очень хозяйственные.

Варвара Вильямовна стала давать Саше время горстями и говорила:

– Вот вам много, много времени, и дни станут долгими, как в детстве...

– Это в вашем детстве дни долгими были, а теперь у всех всегда очень короткие. – Зря я это сказал, не в кассу что-то.

А люди на улице слышали, что тут раздают время, и стали толпиться вокруг Варвары Вильямовны. Хорошо еще, что полицейский с автоматом пил пиво неподалеку...

Мы с Сашей и ее собачкой пошли дальше, время Саша положила в сумку и набила им карманы; погода была такая, когда в конце января становится понятно, что скоро быстрый февраль, а потом длинная весна; и вдруг нам тоже захотелось сказать людям что-нибудь хорошее, и мы стали кричать громко:

- Грибной дождь!
- Море!
- Каникулы!
- «Лексус джи-эл-икс»!
- Любовь и дружба!
- Айпод четыре!
- Вре-мя-а-а!..

Бабушка

В кармане у папы хрюкнуло и квакнуло. Папа достал айфон и прочел письмо от Алисы Тарасовны, моей классной руководительницы:

– «Уважаемый Даниил Никитович, обратите внимание, что Ваш сын Кузьма на уроках неактивен, не слушает материал, все время о чем-то думает...» На то и ребенок, чтобы думать, – сказал папа и сунул айфон обратно в карман. – Не макакёнок же... Ну, рассказывай, о чем ты думаешь? – спросил он меня.

– Я думал, как бы вывести такую породу собак или, наоборот, породу машин, чтобы... В общем, как бы так скрестить машину, желательно пуленепробиваемую, и собаку? Тогда, во-первых, мы получим пуленепробиваемую собаку, а во-вторых, машину, которая сама отряхивается от снега, дождя и грязи. Вот об этом я и думаю все время, а Алиса Тарасовна только мешает.

– Какой же ты молодец! – обрадовался папа. – Скрестить машину и собаку – отличная мысль! – Он очень добро посмотрел на меня, и я понял, что сейчас он скажет мне самое приятное. И он сказал: – Ты просто весь в бабушку!

Да, самый нормальный человек из моих родственников и вообще всех знакомых взрослых – это бабушка! Ни у кого такой бабушки нет...

Например, когда моему папе было семь лет и его бабушка еще называлась просто мама, перед тем как идти в школу, ровно тридцать первого августа, она провела с ним такой разговор:

– Сынок, завтра ты пойдешь в школу, а это, между прочим, не сахар. Веселого мало, прямо скажу. Но ты не беспокойся. Все будет хорошо. Если тебе на уроке станет скучно или что-то не понравится, не шуми и не мешай учительнице. Тихо и спокойно встань, собери вещи, вежливо попрощайся и иди домой. А если тебя будут пугать завучем или директором – не обращай внимания. Я, твоя мама, гораздо главней

директора и завуча. Так что никого не бойся. И когда начнут грозить, что выгонят из школы, тоже не переживай. Запомни – школ на свете много. А ты у меня один.

И папа пошел в школу.

Там все было довольно нормально, если не считать того, что бабушка терпеть не могла ходить на родительские собрания. То есть она старалась, конечно. Честно собиралась. Но в последний момент передумывала.

Один раз папа вел ее в школу за руку и все было в порядке, но в последний момент, уже прямо в классе, бабушка превратилась в кошку, прыгнула на шкаф и оттуда урчала с

подвыванием, поглядывая на учительницу не очень добрыми глазами. Тогда учительница сказала, что сама придет поговорить с родителями, прямо домой. Бабушка честно навела порядок, приготовила обед из трех блюд, нарядилась во все приличное, а сама подговорила дедушку превратиться в большого лохматого барбоса и не пускать учительницу на порог...

Папа учился в школе довольно долго, года два или три, пока однажды темным зимним утром, глядя в окошко, как папа, маленький, с рюкзачком на спине, переходит улицу и шагает сквозь выюгу, бабушка не подумала прямо вслух:

– А что, собственно, в этой школе такого уж интересного и важного, что маленький ребенок должен туда ходить почти что ночью, в двадцать градусов мороза? Ну чего уж такого может ему рассказать какая-то тетя? Вообще, что видели учителя в жизни? Учителя – это люди, которые оканчивают школу, поступают в институт, откуда отправляются на практику в школу, а потом оканчивают институт и идут на работу. Куда? В школу. Что интересного они могут рассказать? К тому же, как известно, учителя питаются шторами, а это не очень-то полезно для умственной деятельности.

– Откуда ты знаешь, что учителя едят шторы? – удивился дедушка.

– А почему, по-твоему, все время собирают деньги на шторы? Когда я училась в школе (а бабушка, кстати, училась в той же школе, что и папа), каждый год собирали деньги на

шторы. И теперь то же самое. Каждый год! Куда они девают шторы? Жуют, конечно же! Учителя питаются шторами, а в шторах маловато витаминов.

Но выбегать за папой на темную утреннюю улицу и не пускать его в школу бабушка не стала. Все само устроилось.

На уроке учительница стала ругать Аркашку Скворцова за то, что только он один не сдал деньги на шторы. Папа видел, что Аркашка вот-вот заплачет от стыда и обиды. Тут-то папа и вспомнил, что ему говорила бабушка перед первым сентября. Папа быстро собрал свой рюкзак, тихо сказал Аркашке: «Ничего не бойся, пошли отсюда» – и стал складывать Аркашкины вещи.

– Так, это что еще такое? – спросила учительница. – Далеко собрались?

– Мне мама разрешила уйти, если что-то не понравится, – вежливо ответил папа и надел на Аркашку его рюкзак. – А мне вот очень сильно не нравится, что вы Аркашку ругаете. Потому что у него одна только мама и они бедно живут. Небось Надю Собачатинову никогда не ругаете...

(В одном классе с папой училась дочка директора колбасных заводов, и ее привозили на машине, с охранником.)

– Правда, – сказала эта самая Надя. – Ругайте лучше меня, если очень хочется, а Аркашку ругать нечестно и несправедливо! И вообще – куда вы шторы каждый год деваете?

И Надя тоже стала собирать свой розовый девчачий портфельчик.

– Точно! – решили все, собрались и ушли, вежливо попрощавшись.

Родители некоторых папиных одноклассников обиделись на нашу бабушку, ведь надо было куда-то девать детей, запихивать в другую школу. К тому же все дети почему-то очень

хорошо запомнили, что в школе должно быть интересно. Если скучно и неприятно, надо встать и уйти. И поэтому записать их в какую-то скучную школу со злыми глупыми учителями было уже невозможно.

И бабушка придумала новую школу. Таковую, где географию преподавал бы капитан дальнего плавания. Для изучения зоологии часто ходили бы в зоопарк. Литературу пусть преподает настоящий писатель, который любит и понимает слова, математику с физикой и химией – настоящие ученые, которые обожают все эти пробирки, цифирки и штучки. А изучать иностранные языки можно поехать в разные страны. Или к нам гостей оттуда пригласить. И вообще, в школе должны работать только те, кто хочет быть с детьми и их учить, а не те, кого просто больше никуда не взяли.

Таковую школу бабушка придумала, и оставалось только ее организовать.

Однажды на Новый год, вообще без пятнадцати минут двенадцать, бабушка оглядела елку с подарками, полный угощений стол искомандовала всем идти на улицу – вдруг там кто-то гуляет, кому негде встретить Новый год, и мы их сейчас пригласим в гости.

Все вышли на улицу. Там никого не было. Только светофоры перемигивались и уличные елки светились, а кругом валялся мусор от салютов и фейерверков.

– Ну вот, что ты всегда выдумываешь! Все уже сидят по домам, люди живут хорошо, весело и встречают Новый год, –

сказал дедушка и ушел.

Бабушка побыла на улице еще немножко и привела большого барбоса в ошейнике (наверное, он испугался грохота салютов и сорвался с поводка), заплаканную девушку в ватнике поверх длинного прозрачного платья и дядьку, который не мог самостоятельно вылезти из сугроба. Этот дядька сразу захрапел и храпел до самого утра. А заплаканная девушка как-то развеселилась и спела песенку под гитару. Пса через два дня забрали хозяева и дали бабушке вознаграждение. Девушка помирилась с женихом и пригласила бабушку на свадьбу. А пьяный дядька оказался начальством. Утром, пока все спали, он ушел, а потом прислал письмо: «Спасибо, люди добрые, что вынули меня из сугроба, куда я попал совершенно случайно... это все давление, экология...» И подпись: первый помощник начальника по вопросам содействия противодействию. Что-то такое. Он так расчувствовался, что помог бабушке построить правильную школу. Ну такую, в которой работают только те, кто хочет быть с детьми, а не те, кого больше никуда не взяли.

А на оставшиеся деньги бабушка построила кафе, чтобы там все стоило дешево, – для стариков, детей и зверей.

Оно до сих пор работает.

– В ребенка надо вкладывать, – говорила бабушка. – Вкладывать вкусности, сюрпризы, подарки, поездки к морю... Вкладывать в ребенка надо побольше чудесного и приятного, а не трясти у него перед носом учебниками и нотными тетрадками!

Когда папа болел в детстве, бабушка лечила его щенками и котятами. Просто пошла куда-то и вернулась с целой охапкой котят и щенков. Когда я представляю себе эту охапку, мне уже становится весело и приятно. А папа вообще тут же выздоровел – от радости, от приятной неожиданности и сюрприза. Да, если играть с щенками и котятами, гладить их и прижимать к простуженному организму, то выздоровеешь гораздо быстрее, чем от лекарств. А если дышать котятами и щенками, запахом их теплой шерстки, то вообще никогда не заболеешь. Слух про лечебных щенков и котят пошел по белу свету, и в городе стало гораздо меньше бездомных животных.

Бабушка и папа, когда он был маленький, ставили капканы на гостей, которые приезжали к ним на дачу в деревню. На самых любимых, конечно. Например, на Николая Владимировича. Он веселый, добрый, у него очень красивый голос, и этим голосом он всегда рассказывает только интересное. Ни разу ничего скучного не рассказал. Или на дядю Юру и тетю Зою Нечипоренко, с ними весело и хорошо, и тетя Зоя очень угощательная, столько всяких вкусностей готовит! На этих гостей папа и бабушка ставили капканы, чтобы они подольше не уезжали. Но те гости, на которых капканы не ставили, начали обижаться. Решили, что их меньше любят. И пришлось ставить много капканов, чтобы хватило на всех гостей. По участку и дому ходили толпы пленных гостей и звякали капканами на ногах. Снять капканы они не умели, а

с капканом далеко не уйдешь и на машине рулить неудобно.
Капканы папа и бабушка делали из дыроколов.

Бабушка знала рецепт от грустного настроения. Рецепт этот ей передала одна старушка. Это было очень давно, когда в нашем городе было навалом старушек. Тогда еще не вышел приказ, что в столице должны жить только молодые или те, кто нарядно одет и хорошо выглядит. Этот приказ вышел,

кажется, перед каким-то чемпионатом мира или Олимпиадой, и всех старичков куда-то девали. Ну вот. Давным-давно старички и старушки спокойно расхаживали по городу, сидели на лавочках или продавали возле метро у кого что было: яблоки, соленые огурцы, варезки... Бабушка тогда училась в институте, шла к метро и встретила там маленькую старушку с корзинкой яблок.

– Хотите, я у вас куплю все яблоки, то есть заплачу за целую корзинку, а себе могу вообще ничего не брать, вы еще кому-нибудь продадите? Это я в смысле, чтобы вам помочь, ведь старые люди живут бедно... – предложила бабушка старушке.

– Что ты, дочка, – ответила старушка. (Тогда люди часто называли младших дочками или сынками. Да, да, такое было.) – Яблочки свои я не продаю, а дарю всем, кто хочет.

– Почему? – удивилась бабушка.

– Потому что мне грустно. А когда грустно, надо кому-нибудь что-нибудь подарить... Тут же печаль пройдет. А от денег какая радость?

Бабушка запомнила это на всю жизнь. И когда ей вдруг становилось грустно, она пекла большой пирог и шла на улицу всем его раздавать. Все очень удивлялись, а бабушка радовалась. А если могла, то даже покупала специальные подарки. Так, например, дедушке она, когда вдруг загрустила, подарила настоящий тягач с прицепом. То-то дедушка обрадовался... От радости он разрешил бабушке взять с помойки

бородатую собачку. Ее называли Мусорский. Из мусора потому что.

– Запомни, когда становится грустно, лучший способ развеселиться – это что-нибудь кому-нибудь подарить, – говорила бабушка.

Мы с папой и мамой теперь всегда так делаем.

Когда на зиму бабушка, дедушка и папа уезжали из деревни, бабушка оставляла гостинцы и письмо для воров. «Товарищи воры, – писала бабушка, объяснившая папе, что слово “товарищи” очень подходит ворам: так давным-давно кричали друг другу жулики, нападавшие на караваны с товарами, – товар ищи! – Товарищи воры, вот вам бутылка вина, пачка макарон и две банки консервов. Ведите себя прилично. Попели и убирайтесь вон». Самое интересное, что никакие воры не приходили. Один раз залез какой-то чужак – посмотрел старинные диафильмы. Он, кстати, починил выключатель и забыл кепку. Но больше не возвращался.

Однажды у папы, когда он еще не был папой, а был просто мальчиком, наступил день рождения. Пришли гости и родственники, только бабушки, в смысле мамы мальчика-папы, все не было и не было. И вот когда все уже совсем заждались, к воротам дома (дело было летом в деревне) подъехал грузовик, целая фура, доверху полная старых автомобилей. Вот это был подарок так подарок! Папа, как любой нормальный парень, обожал машины. И он с друзьями стал в них играть, их чинить, красить; в двух маленьких машинках ба-

бушка сделала клумбы, а в старом маршрутном такси устроили себе домик бродячие кошки и прятались там от снега и дождя.

Бабушка тоже любила машины. Она называла их «машинки» и считала, что они живые и понимают всё. Каково это – состариться, стать ржавым, некрасивым или даже вообще остаться без колес, стоять где-нибудь в дальнем углу под снегом и ждать, когда увезут под пресс... Нет, никакого пресса! Машинки должны быть с людьми, и если не могут ездить, то пусть просто так живут в саду, радуют мальчишек...

Бабушка вообще всегда собирала все старое и лишнее. Она считала, что старое и лишнее – это как раз самое нужное и важное. Однажды рано утром бабушка возвращалась из гостей, шла через парк и увидела на скамейке большого крокодила из ярко-зеленого плюша. Здоровый, во всю длину скамейки, немножко облезлый, но все равно очень симпатичный. Грустный только. Ясно, что кто-то его нарочно забыл, чтобы выбросить. И бабушка взяла его с собой. Заскочить домой – крокодила положить – не было времени. И бабушка так и таскала его целый день повсюду. А ведь ей надо было к доктору за справкой, что все в порядке с головой, в полицию – за новыми водительскими правами, в телевизор – дать интервью и в Государственную думу. И все у нее хорошо в тот день получалось, с крокодилом в охапку. А крокодил потом поселился в деревне, в кресле-качалке у печки...

«Надо тренироваться быстро-быстро есть курицу, – гово-

рила бабушка. – Ведь прогресс не остановить, поезда будут ходить все быстрее и быстрее. А есть курицу в поезде – наша национальная традиция». Когда заговорили про телепортацию, бабушка даже стала устраивать соревнования по поеданию жареной курицы на время. Ведь съесть курицу за несколько секунд, пока тебя телепортируют, – это целая наука. Надо тренироваться.

Бабушка собирала купоны на скидки в косметические салоны. Кто наберет сто купонов, тому большая скидка на пластическую операцию. И бабушка собирала, собирала... Но бабушка ничего не думала себе отрезать или наращивать. Купоны она копила, чтобы подарить папиной невесте, когда такая у него появится. Ведь невесте наверняка надо будет подрезать нос или удлинить ноги. «И она сразу поймет, что я люблю ее как родную дочь...»

Бабушка любила деревья, траву и реки, собак и кошек. Собак и кошек особенно. Учила уважать собак и помогать им. Ведь не всех людей после смерти берут на небо, это надо еще заслужить... Надо, конечно, стараться, надеяться, но быть готовым и к другому. Может быть, в один прекрасный день ты проснешься совсем не тетенькой и не дяденькой, а голопузым недотепой-щенком, случайно уцелевшим после отстрела родной стаи... Да и вообще... Некоторые остаются на земле навсегда – в собаках, кошках, и птицах, и ежихах.

Бабушка говорила, что скоро станет модно быть бедным. А для очень многих людей в нашей стране «модно» – самое

важное слово в жизни. И вот богатые будут стесняться своего богатства, всё попрячут или раздарят второпях... И у всех всего станет поровну. Старики, дети и бездомные собаки – все будут есть досыта, не спеша и не стесняться...

Этого пока что не случилось. Наверное, все-таки случится, наступит. Бабушка никогда не обманывала. Она вообще такая... Лично мне ужасно жалко, что мы с ней так и не познакомились по-настоящему.

Дело в том, что мой папа сильно вдруг заболел, когда ему было двадцать два года. Прямо ну вот совсем заболел. Но тогда коррупцию еще не побороли и можно было договориться. И моя бабушка договорилась с Богом, что она умрет вместо своего сына. Тогда еще можно было так. И мой папа стал вообще как новый. Ему вот сейчас уже почти сорок, а он все равно молодой. А бабушка умерла. Тихо так, чтобы никто сильно не огорчился. Скучно очень стало дома. И на учителей никто не рычал с подвыванием.

А для нас она записала эти истории, чтобы мы все-таки знали ее и помнили.

Мы точно не знаем, где теперь наша бабушка, надеемся, конечно, что на небе, но на всякий случай всегда помогаем собакам и всем зверям. Любая собака или кошка, да любая зверюга, может прийти к нам в сад в деревне или подойти на улице в городе, и мы обязательно поможем.

Однажды к нам пришла меховая рыжая собака, всех нас обнюхала, как будто проверила и пересчитала, лизнула меня в щеку прямо с причмоком и пошла дальше. Мы звали ее, обещали угостить, а она обернулась, подмигнула и ушла в сторону реки...

Мечты партизан

Недалеко от Москвы есть дачный поселок с огромными заборами.

К самому огромному забору каждый вечер подъезжает черная машина с темными стеклами. Из нее выходит мужчина с незапоминающимся цветом волос. И судя по голосу, неженатый.

– До завтра, Славик, – говорит он водителю своим неженатым голосом и идет за забор, с портфелем в руке.

Мы ведем за ним тайное наблюдение. И ему от нас не уйти.

Мы тоже тут живем. Я живу в соседнем поселке, круглый год на даче, потому что у меня аллергический бронхит и в Москве мне вредно.

А Снежанка, Костик, Рамиль и Вика живут в военном городке неподалеку. Мы учимся в школе при военном городке, в шестом классе.

У меня, например, никого нет. Ни старших братьев и сестер, ни младших. А у них у всех есть, старшие...

И им всем предстоит ЕГЭ.

А он знаете какой страшный?

Вот в одной школе случай был...

Одна девочка не написала ЕГЭ по литературе. Она лоханулась на Пастернаке. Я даже не знаю, что это значит, но на-

верняка что-то очень страшное. И ей сказали: «У тебя плохой ЕГЭ». Это же вообще звучит как: «У тебя СПИД». Тогда она пришла домой, надела свое выпускное платье, легла на кровать и отравилась таблетками. Насмерть.

А в другой школе один пацан после ЕГЭ вообще... Вот его мама спрашивает типа: «Коля, ты что будешь на ужин – макароны с котлетками или тефтельки с рисом?» А он такой: «Вариант В».

А какой «В», если только «А» и «Б», в смысле – макароны или рис? Мама ему объясняет, а он свое: «Вариант В». С ума сошел, короче. Лечился долго потом...

А еще в другой школе пацан, вообще отличник, готовился как сумасшедший, пришел на ЕГЭ, как вынет из кармана автомат Калашникова, как пойдет из него – та-та-та-тат-а...

И когда его забирала группа захвата, он кричал младшеклассникам:

– Отомстите за нас! Вы маленькие, вам ничего не будет!..

Правда, мой папа говорит, что эти истории просто фольклор, устное народное творчество.

Ага, народное творчество... В той школе до сих пор дырки от пуль по всем стенам... И кишки с люстр свисают...

Так что теперь всё. Терпение лопнуло. Берегитесь, гражданин на машине с темными стеклами. Или не берегитесь. Потому что вам уже ничего не поможет. Мы знаем, кто вы.

Вы академик, который придумал ЕГЭ. То есть вы, конечно, не один его придумали, таких, как вы, там целая банда, но вы главный. Мы точно узнали. По фамилии. И по телевизору вас видели.

Пощады не ждите.

Мы – партизанский отряд беспощадных! Родители за нас, у них тоже этот ЕГЭ давно в кишках сидит.

Папа Снежанки обещал принести гранату. Он работает начальником в воинской части, и у него этих гранат просто девать некуда.

Пока он еще не принес гранату, мы кидаем за высокий забор разные предметы. Например, бомбы-вонючки. Мы их специально заранее готовим. Мама Костика научила, она повар. Режешь капусту и чеснок, кладешь в целлофановый пакет и держишь поближе к батарее два дня.

А еще в штабе мы обсуждаем, кто будет камикадзе, когда гранату наконец принесут. Сначала решили, что Рамилькин кот. Просто привязать к нему гранату и как следует метнуть за забор.

Бадыжжжь!..

Ха. Ха. Ха.

Но кота стало жалко.

Тогда придумали, что камикадзе станет двоюродная сестра Вики. Она подходит. Противная такая, маленькая и всюду лезет. Вот пусть и лезет в сад к врагу. Сразу двумя противными меньше. Удобно.

Короче, граната. Мы ее ждем.

А пока у нас нет гранаты, мы сидим в нашем секретном штабе и мечтаем...

Вот если граната не сработает, то он хотя бы испугается, а в это время мы все вместе перелезем через забор и налетим на него, собьем с ног, начнем колошматить чем ни попадя, выковыривать глаза, откручивать нос, рвать на куски и приговаривать: «Вот тебе, вот тебе, вот тебе за отравленное детство».

И тогда он попросит пощады, и взвоет, и взмолится: «Простите меня, дети. Я отменю ЕГЭ».

Тогда мы дадим ему телефон, чтобы он позвонил и отменил ЕГЭ, а потом все равно уьем. На всякий случай.

Так мы мечтаем и ждем, когда же Снежанкин папа притащит гранату и другие боеприпасы. У нас есть план, и мы его выполним.

А мой папа говорит, гранату бросать не надо. Говорит, скоро все само по себе станет очень хорошо. Скоро вообще школу отменят. Вместо школы будут обязательные курсы обходчиков газопроводов, ведь у нас в стране много газа, и надо, чтобы кто-то за ним присматривал. Чтобы другой кто-то его не украл через дырочку.

А зачем обходчикам газопровода Пастернак?

Папа у меня такой, всегда с надеждой смотрит в будущее...

Сказка

Для Димы

У одного короля подданные много путешествовали по белу свету. Это потому что мода была на кухню ихнюю и на массажи. Вот почти весь народ и ходил на отхожие промыслы в другие страны. А потом однажды они пришли к королю и говорят:

– В других странах всякие там президенты такие крутые: один на медведя ходит, другой машины дорогушие коллекционирует, у третьего семь жён и все красавицы, а ты что? Мямля...

Король стал думать.

Страна его была маленькая, один остров в теплом океане, всегда хорошая погода, цветы и птички. Медведей нет. Машины коллекционировать – места мало. Семь жён ему не нужны.

А в конституции у них было записано, что, в случае если король и народ недовольны друг другом, король может отпустить свой народ.

Утром король вышел на балкон своего дворца и сказал в микрофон:

– Идите все на фиг!

И народ ушел на катерах и моторках – туда, где президенты женятся, охотятся на медведей и гоняют на машинах, – готовить еду и делать всем массаж.

А король объявил кастинг нового народа и отсматривал кандидатов по скайпу, учитывая их традиции, народные промыслы, художества и кулинарию. Много в скайпе по этому поводу бедаг из бывшего СССР толпилось... Про это даже несколько раз передавали по радио и по телевидению в воскресных новостях, в разделе «Курьезы» или «Невероят-

но, но факт».

И вот в деревне Очухлики на озере Дербалызь был один такой Митюня, с шилом кой-где. Дурак дураком, а нос по ветру держит. Узнал он тоже скайп королевский, взял девчат посимпатичнее, детишек потолковее, учительницу английского для перевода да и повел на пригорок. (Там лучше всего модем брал.)

А королю, после торжественного и вполне конституционного посыпания своих подданных на фиг, было как-то не очень. Загрустил король. Смотрит, бывало, из окошка на океан, а у самого на сердце прямо крокодилы зубами клацают.

А тут Митюня с компанией – нажарили лисичек, сидят такие на пригорке, рассказывают, как у них в Очухликах рыбу ловят, как грибы собирают, какие по пятницам дискотеки, дети стихи читают, песни поют. Король им тоже – про океан, про своих рыб и про плоды морские. Подружились. И то веселее.

А еще, говорит Митюня королю, у нас умеют буяннить до синих чертей.

– Это как же?

– Ну вот начинаем буяннить, и буяним, и буяним, пока не увидим синих чертей, и они открывают нам тайны бытия.

– А можете показать?

– Нет. Не будем. И это в нас самое хорошее и ценное – что мы умеем буяннить до синих чертей, но можем и не.

– Давайте ко мне! – решил король. – Будете мои. Полюбил я вас. Давно слышал, что русские хорошие, но что такие хорошие, даже представить себе не мог...

– Мы не просто русские, – поправил Митюня. – Мы очулки. Уникальный малочисленный народ, еще не изученный толком мировой антропологической наукой. Мы от своей родины не откажемся. От лисичек своих никуда не уедем. Нету для нас на свете ничего краше рассвета на озере Дербалызь. А ты мужик неплохой, и вот тебе от нас бонус – есть тут по

соседству деревня Удальцы, так ты с ними ухо остро держи. Во-первых, никакие это не Удальцы, это их переименовали. Настоящее название деревни – Головорезово. Но это еще полбеды. Ни удалцов, ни головорезов там нет, одни бабы, злющие и глупые. Ты с ними не связывайся, если по скайпу звонить начнут. Даже вот трубку не бери. Они тебе все королевство по камушку разнесут. Океан запоганят, в войну тебя ввяжут, разорят. Ты мужик хороший, вот мы тебя и предупреждаем. Хочешь, к нам приезжай, у нас как раз председателя сельсовета надо выбирать. Мы выборы намухлюем, комар носа не подточит.

Король обещал подумать. Так с тех пор и переписываются. Даже посылки шлют. Очухлики королю сушеных грибов связочку, а он им – бусы коралловые. А когда из деревни Удальцы к нему в контакты попросились – отклонил, и всё тут.

Ангелы и пионеры

– Лидия Евгеньевна точно знает, что Бога нет, – сказала Катя и стала качаться на качелях, задумчиво притормаживая пяткой.

После школы мы всегда заходили на эту детскую площадку, если надо было что-то обсудить.

– Почему? – спросил Дамир.

– Потому что она не боится. Знает, что ей ничего не будет за Корочкина. Ни от директора, ни в загробной жизни. А нам отец Владислав на Законе Божьем говорил, что если за плохие поступки на земле не наказали, то на небе уж точно по полной выдадут.

– Если бы Лидия пацаном была, я бы с ней быстро разобрался, – сказал Дамир.

Дамир немножко нерусский и вместо Закона Божьего ходит на кун-фу.

– Может, она уже один раз умирала и точно знает все про загробную жизнь? – Катя медленно, оставляя от ботинка борозду в песке, качалась на качелях.

Мы молча вспомнили, какая Лидия Евгеньевна большая и розовая. Ни на призрак, ни на привидение, ни на человека, который когда-то болел и ненадолго умер, она не была похожа.

– Надо подговорить отца Владислава, – предложила Катя. – Пусть он идет к директору. Отец Владислав добрый и умный, директор его послушается.

Отец Владислав ведет уроки Закона Божьего. В нашей школе учатся его дети – Авплексидонт, Евплаксиозавр, Феофилакт и близняшки Христофор с Ксенофонтом.

– Отцу Владиславу некогда, – сказал я. – Он всегда спешит. «Ну, чадушки, давайте скоренько...»

– Конечно, спешит, хорошие и умные всем нужны...

Опять помолчали.

Лидия Евгеньевна по русскому всегда чморила Митьку Корочкина. Когда ругают не тебя, а кого-нибудь другого, это, в общем-то, даже приятно – сидишь себе, типа ты в домике. Но когда Лидия Евгеньевна начинала ругать Митьку, это было ужасно противно и лично мне где-то между горлом и животом становилось так плохо, как будто тащишь что-то очень тяжелое, только еще хуже.

Все обычно сидели и молчали, только Катя, Дамир и я переглядывались, и новенькая Женя Восьмерчук, отвернувшись к окну, быстро-быстро перебирала железные кнопки на своей джинсовой рубашке.

Митька всегда позже всех сдавал деньги – на шторы, на

цветы или на уборщиц.

– Корочкин, ты один деньги не сдал. стыдно, Корочкин. Тебе школа бесплатные завтраки дает, ты бесплатник и никогда деньги на нужды класса сдать не можешь. Может, тебе в другую школу перейти? В сто четвертую?

В сто четвертой школе учились тормознутые, в одинаковых куртках и с открытыми ртами.

Когда она так говорила, даже со спины (Митька сидел впереди) было видно, что он хотел бы умереть прямо сейчас. Митька вставал за партой и обещал, что принесет деньги в понедельник, когда маме дадут зарплату.

У Митьки была только мама, а кроссовки для физры были такие старые, что у нас дома их бы уже сто раз в помойку выкинули.

Сегодня Лидия Евгеньевна опять спросила про деньги, и Митька опять встал за партой и, опустив голову, стал говорить, что маме задерживают зарплату, а спина у него была

такая ужасная, что мы втроем переглянулись – надо что-то делать.

– Надо родителям сказать, – решила Катя и встала с качелей.

– Надо, чтобы они деньги дали, за Митьку сдать, – согласился я.

– Он не возьмет. А от нас за него Лидия Евгеньевна тоже брать не захочет. Или мучить его еще хуже будет, – догадалась Катя.

– «Родителям, родителям»... – передразнил Дамир. – Работу найти надо – и нам, и Митьке. По одиннадцать лет всем, здоровые лоси...

– Не лоси, а лоси...

– Старикам в магаз или в аптеку сгонять можем? Можем! – стал придумывать Дамир. – С мелкими посидеть, если родичам оставить не с кем, а им в клуб там охота или с друзьями затусить. Можем с мелкими побыть? Можем! Если, например, кто с утряка в выходной поспать хочет, а у него, скажем, псина есть, псину на прогулку вывести можем? Можем!

– Это пока мы сколько надо насобираем, медленно очень получится.

– Ничего. Зато у нас будет свой фонд дружбы и помощи. А про Митьку надо еще придумать что-нибудь. Надо с родичами посоветоваться.

И мы пошли советоваться с родителями.

– Ай, стыд... – сказали папа, мама, тетя, двоюродный брат и бабушка Дамира. – Куда катимся?

– Они что, эти шторы жуют, что ли? – спросила Катина мама, хозяйка колбасного цеха. – Только что вроде собирали.

– Это не на шторы, а на уборщиц, – сказала Катя.

– Счас подарим ей моющий пылесос, – решил Катин папа, водитель «газели» с фирменным знаком мамино колбасного цеха. – А если дальше докапываться до пацана будет, мы ее саму пропылесосим по самое не могу.

И Катины папа с мамой засмеялись.

А мой папа спросил:

– Ну и цена вопроса? Давайте сдадим за него деньги, и дело с концом.

Сделать кому-нибудь что-нибудь полезное за деньги в этот вечер ни у кого из нас не вышло.

Русский назавтра был вторым уроком. Нарядная и розовая, похожая на ветчину, с красным покрашенным ртом, Лидия Евгеньевна ходила вдоль доски и диктовала красивые предложения про любовь к родине.

– Корочкин, – сказала Лидия Евгеньевна, и у меня опять стало тяжело и противно между горлом и животом. – Ты деньги наконец принес?

Было очень тихо. Катя посмотрела на меня, и мы вместе посмотрели на Дамира.

В это время я услышал, как новенькая Женя Восьмерчук очень тихо сказала куда-то себе в воротник рубашки:

– Сто двадцать процентов.

– Корочкин, – сказала Лидия Евгеньевна, – если мать не в состоянии сдать эти несчастные деньги, пусть приходит и сама моет полы. Понял, Корочкин? Что молчишь? Я кому говорю-то?

Стало еще тише. Мы переглядывались и не могли договориться взглядами, кому начинать заступаться за Митьку.

И тут я увидел, что Женя Восьмерчук опять нажала на железную кнопку своей джинсовой рубашки и чуть слышно сказала себе в воротник:

– Есть!

Потом она встала и сказала тихо, но четко:

– Лидия Евгеньевна, вам придется принести свои извинения ученику за систематически проявляемую в его адрес бестактность.

Все посмотрели на Женю.

Началась такая тишина, про которую мой дедушка говорит: слышно, как борода растет.

– Что? Что? – Лидия Евгеньевна поморщилась и огляделась, словно не могла понять, откуда звук.

– Извинитесь перед Корочкиным и в дальнейшем никогда не относитесь к ученикам по признакам их материальной обеспеченности, – негромким, каким-то бледно-железным голосом повторила Женя. – Такое поведение недостойно российского учителя, особенно учителя словесности.

У всех просто глаза разбежались, никто не знал, на кого смотреть – на Женю или на Лидию Евгеньевну.

А Женя прямо стояла за своей партой, маленькая, стриженная, похожая на мальчишку.

– Восьмерчук? Женя? – Лидия Евгеньевна поглядела на нее, как будто Женя была говорящим насекомым. – Да ты что? Это что такое?

– Я не Женя Восьмерчук, я последняя разработка нашей военной промышленности, экспериментальный экземпляр. Скоро нас будет много, в каждом классе мы будем следить за поведением учителей. Ведь учитель в школе – это первый представитель государства, с которым встречается молодой гражданин нашей страны, и от поведения учителя, от его моральных качеств зависит очень многое в дальнейших отношениях молодого гражданина и государства, – очень четко и даже как-то занудно сказала Женя своим бледно-железным голосом.

– Так... Начитались, – усмехнулась Лидия Евгеньевна. – Насмотрелись, наслушались... Я сейчас же звоню твоим родителям...

– Научно-производственное объединение «Буран» мои родители, конструкторское бюро номер восемь, – поправила Женя. – А ваша вредность и опасность для детей составила уже сто двадцать процентов. Извинитесь перед Корочкиным, и тогда, может быть, вам удастся остаться работать в школе уборщицей.

– Так, рот закрыла! – гаркнула Лидия Евгеньевна. – И к

директору!

Женя Восьмерчук нажала на железную кнопку на рубашке и опять сказала туда тихо:

– Есть!

Потом она моргнула левым глазом и выпустила из него луч. Луч уперся в розовую и толстую Лидию Евгеньевну, и Лидия Евгеньевна стала плоская, как диск, и прозрачная. Женя моргнула правым глазом, и плоская Лидия Евгеньевна стала сжиматься и испаряться, пока от нее не осталось одно маленькое серое облачко.

Женя села на свое место, как будто очень устала.

От облачка остались какие-то горелые лепестки вроде пепла.

Те, кто успел достать мобики, чтобы фоткать, разочарованно вздохнули, так быстро все случилось.

В класс вошли двое военных и дядька в белом халате.

Дядька собрал лепестки в пластиковую коробочку, а военные взяли Женю за руки.

– Живите дружно, ребята, – сказала Женя нам на прощание. – Помогайте друг другу.

А сфоткаться вместе с Женей нам не разрешили, ведь она – военная тайна.

На следующий день нам прислали Никиту Егоровича по русскому. Он придумал, что вместо денег на уборщиц надо просто разбиться на несколько бригад и дежурить по очереди, самим убирать кабинет и мыть пол. Мы рассказали ему

про фонд взаимопомощи, и он устроил целое родительское собрание про это. Теперь все в нашем классе выполняют разные поручения, а деньги собирают на карточку, чтобы было, если надо кого-то выручить.

Недавно директор пришел к нам в класс и показывал фотографии Лидии Евгеньевны – она где-то далеко, в джунглях, пасет макак. Вот как ловко Женя Восьмерчук ее телепортировала.

Мы часто разговариваем про Женю и никак не можем понять, кто она? Правда, что ли, военный робот в виде маленькой бледной девочки, похожей на мальчика?

Дамиру бабушка сказала, что Женя, наверное, настоящий пионер. Они смелые и всегда заступаются за слабых. Дамир приколотся к этому слову – «пи-о-нер» и хочет тоже так называться.

А Катя говорит, что Женя – ангел. Теперь такие специальные ангелы, новые.

Вот бы спросить у отца Владислава... Но ему всегда некогда...

Платон

– Он же противный! – сказал Платон.

Полина в коридоре шнуровала кроссовки. Рядом стоял рюкзак. Она отправлялась на съемную квартиру жить вместе со своим бойфрендом Питом, начинать самостоятельную, новую жизнь.

– Ужасно противный, – повторил Платон.

– Сам ты противный, – засмеялась Поля и два раза почесала Платону макушку. – Пит – молодец. У него есть мечта – поехать в Японию. И ради своей мечты он работает на трех работах. А еще он простил своего отца.

– Как это? За что?

– Не знаю. Там у него с отцом что-то... То ли бухарь, то ли бросил их, когда Пит мелкий был... Короче, Пит пригласил своего отца в кафе и сказал, что его прощает, и они пожали друг другу руки. А простить, между прочим, это реально круто! Это – сила духа.

И Поля перед зеркалом стала мазаться блеском для губ.

Мама вышла в коридор, веселая, с добрыми глазами. Она посмотрела на Полю, ладную, в короткой кожаной курточке и белых кроссовках, и ей стало еще веселее.

– До чего же ты хорошенькая, а, дочуня? – Она обняла Полю. – Время-то как пролетело... Заходите с Петенькой к нам почаще. Да, и позвони сегодня, расскажи, что там за кварти-

ра, какие соседи...

Поля послала Платону воздушный поцелуй и ушла. Мама вздохнула, улыбнулась и заметила Платона.

– Что нос повесил? – и она звонко чмокнула его в щеку. – Выросла сестра, ничего не попишешь. И ты скоро вы-

растешь. Не грусти, помогай давай.

И стала вытаскивать из кладовки пылесос.

А Платон пошел на кухню, сел у окна и стал придумывать себе мечту.

Мечты у Платона были, но не такие, чтобы работать на трех работах. Например, чтобы лето длилось долго, пока не надоест, а зима, только, чур, со скрипучим снегом и солнцем, без слякоти, наступала бы недели на две. Или чтобы все собаки стали пуленепробиваемые... Или чтобы не было бедных и богатых, или хотя бы чтобы богатые меньше воображали... Такие мечты... Тут хоть на десять работ устройся, что толку? Да и куда возьмут, когда тебе одиннадцать только через полгода?

Мама включила пылесос – убирает в Полькиной комнате и радуется, что переедет туда вместе со своим тренажером и хулахупом и ей не надо жить в одной комнате с папой.

Надо кого-нибудь простить, чтобы круто, чтобы сила духа... Папу, что ли, простить? А за что?

Вот бы папа был какой-нибудь плохой или просто чудной, как у Лёхи Ерёменко? Папа у него художник с вот такой бородищей – то веселый и нормальный, берет пацанов в музей и классно рассказывает про картины, то вдруг – раз – и начинает бухать по-черному, так что Лёха говорит: «Папан опять в трэш вошел».

Или вот бы папа куда-нибудь от них девался, как у Лейлы... Он приезжает к школе на машине и долго ждет, пока

она выйдет, чтобы ей что-нибудь подарить, а Лейла тонким голосом говорит: «Мне не нужно от вас ничего».

Вот если бы папа был какой-то такой, то Платон мог бы его простить...

Платон пригласил бы его в «Корзиночку»... Да в какую «Корзиночку», это кондитерская для девочек, пригласил бы его в бар «Пиранья» и сказал бы...

Пылесос умолк, и Платон услышал, что пришел папа, переобувается в коридоре, моет руки...

Но Платонов папа никогда не пил или никуда не уходил. Он все время работал, на майские придумывал походы и путешествия по красивым местам, дома что-нибудь чинил, мог из старой вещи сделать новую, а когда мама отправляла его в магазин купить что-то одно, например масло или морковь, накупал так много еды, что лопались пакеты...

Полгода назад папа потерял работу, и мама стала говорить ему «вы, сэр».

«Конечно, вы, сэр, не прочь бы поужинать».

Счастливая Полька... Деятнадцать уже... Паспорт... Куда хочу, туда иду... Замуж, в поход, на съемную квартиру... А Платон сиди тут и слушай, как мама говорит папе «сэр»...

Папа вошел на кухню с пачкой гречки в руках, и Платону показалось, что он уменьшился, потому что сутулится или просто похудел, папа стал какой-то старый, давнишний, как музыка из фильма «Бумер»...

Папа увидел Платона и постарался подмигнуть ему пове-

селее, но не очень получилось.

Прощать его было совершенно не за что.

Тогда Платон подошел к папе и обнял его.

Куркума

Мама стоит у печки. На раскаленной докрасна круглой железке булькает большая закопченная кастрюля. В одной руке у мамы поварешка, в другой – планшет. Она варит какой-то особенный холодный суп по рецепту и ругается, что интернет медленный. Удивляется, как дядька может жить с таким интернетом.

– Ты здесь совсем одичаешь. Посмотри на себя! У тебя даже зеркала нет.

– Кузя, я для того сюда и перебрался... подальше от интернета и прочих ваших прибабасов.

Дядька называет маму Кузя или Кузнечик – от слова «кузина», двоюродная сестра. А мама называет дядьку просто – брат.

Это какой-то особенный суп – едят его холодным, но сперва долго варят.

В избе жарко от печки. Ни микроволновки, ни даже электроплитки у дядьки нет. И на улице жара – лето, в дядькином саду заросли темной от спелости лесной малины, кругом пахнет свежим сеном, а если стоять на крыльце на цыпочках, то видно слепящее сияние – озеро.

Кастрюлю с супом опускают в погреб – остужаться. Мама и Никола накрывают на стол, чтобы все было готово и, наплававшись, проголодавшись как следует, сразу пообедать.

– Брат, через десять минут идем купаться!

Идут на озеро через луг. Никола машет полотенцем, отгоняет от мамы и от себя здоровенных, толсто жужжащих слепней. А дядьку слепни не кусают, идет себе спокойно без майки. Пятки радуются траве. И никаких там железок или осколков просто быть не может – чужие здесь не ходят. Деревня в стороне, через ручей, за лесом, а у дядьки – хутор, и эта часть озера, можно считать, вообще только его и больше ничья.

Озеро! Так и хочется сказать ему: «Здравствуй, озеро, как же я рад тебя видеть!» Хочется обнять его и расцеловать. Никола ускоряет шаг, а потом бежит вприпрыжку, на ходу стаскивая майку. На узенькой травяной полоске возле воды Никола вылезает, выкручивается из шорт, отбивается от них ногами – шорты, наверное, тоже хотят в воду и никак не отстают, Никола путается в них, выпутывается и вбегает в озеро, обнимает обеими его руками, ныряет с головой, пьет про-

зрачную, пахучую воду, фыркает и кричит от счастья... Мама плавает туда-сюда вдоль берега, как будто она в бассейне, а потом прыгает в воде: начиталась в журналах, будто это полезно для какого-то там лимфообмена, а дядька смеется над мамой и говорит:

– Нимфа, нимфа, как ваша лимфа?

Дядька уплывает далеко, почти до острова, где во время войны была ремонтная база немецких самолетов. Они обязательно сплывают, нет, сходят на этот остров, ведь у дядьки есть лодка!

Вылезать из воды неохота...

– Никола, у тебя уже губы синие! Или ты вылезашь сию секунду, или мы немедленно собираемся и уезжаем в Москву! – сердится на берегу мама.

Просто даже смешно! Или – или... Спрашивается, если Никола не вылезает сию секунду, то как мама увезет его в Москву? Будет вылавливать сачком, как головастика? Попросят дядьку догнать в воде, изловить и вытащить? А дядька не станет, он за Николу, они всегда заодно.

Лугом идут обратно. Никола сложил мокрые полотенца на голове, идет медленно, старается не уронить – так носят вещи в Африке, видел по National Geographic.

Обедают салатом из всего, что растет на огороде, холодным супом и серым дырявым хлебом, который нарезан толстенными ломтями. Николу клонит в сон. «Я встретил вас...» – напевает дядька, откинувшись на спинку стула.

Мама заводит важный разговор – от имени и по поручению всей родни, состоящей из москвичей, горожан, не выезжавших на природу дальше тесного Подмосковья.

– Брат, завязывай с этой глухоманью. Ты должен вернуться на кафедру.

Дядька не отвечает, улыбается только.

– Я поражаюсь... Просто поражаюсь... Нет, ну конечно, понятно, лето, озеро, лес, природа. Но что тут зимой делать? Только волком выть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.